

Евгений Угрюмов

Приглашение на казнь (парафраз)

Евгений Угрюмов

Приглашение на казнь (парафраз)

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Угрюмов Е. Ю.

Приглашение на казнь (парафраз) / Е. Ю. Угрюмов — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Обманул я вас. Вы ожидали, что я оставлю его жить где-нибудь на перекрёстке Пискарёвского и Гражданского проспектов, в городе каналов и львов и выбирать - быть ему или не быть?.. или отпущу к тем, которые подобны ему, которые ему снились? Да - это отвратительно понимать, что всё, что ни накручено в ножных мышцах, останется втуне, и никто, никогда не сможет уже этого раскрутить. Обманул я вас, обманул!

Август, 2008 г

П Р И Г Л А Ш Е Н И Е Н А К А З Н Ъ (п а р а ф р а з)

Псевдоперсонажи в псевдоправдоподобной жизни.

*«...иные же (песни древних славян) совсем не имеют смысла...
подобно некоторым Русским; нравятся одним согласием звуков и мягких слов, действуя
только на слух и не представляя ничего разуму».*

(Н.М.Карамзин, «ИГР»¹)

Необходимое преуведомление или предуведомление, как хотите.

Одним из условий комфортного чтения является прочтение романа В.В. Набокова «Приглашение на казнь». Вторым условием является умение «отдаться зазорной и причудливой игре», как ловко заметил автор зазорной и причудливой игры в «Принцессе Брамбилле»... да, таков наш стиль! Наши стилистические (язык проглотишь!) особенности... тоже станут препятствовать вовлечению... но, без труда, как утверждает профессор Делаланд, не вытащишь рыбку из пруда (сомнительное утверждение; можно и без труда такое! отхапать; но нам, в нашем случае, это подходит, поэтому сомнения остаются за кадром; вообще-то «утверждение» – это, как стул в водевиле; русские не могут вовремя подставить стул, поэтому водевили у них всегда съезжают на мелодраму). Словом, с таким напутствием пускайся в путь. Комфортного чтения!

Первое отделение

«Итак – подбираемся к концу и вдруг, ни с того, ни с сего... Ещё несколько минут скорого чтения... и о... ужасно... Тряпки, крашенные щепки, мелкие обломки позлащённого гипса, картонные кирпичи, афиши, летела сухая мгла... Цинциннат пошёл... направляясь в ту сторону, где, судя по голосам, стояли существа, подобные ему».

– И стало с вас, голубчик... чего только во сне не приснится. Будто вам голову там рубают!

Тюремщик Родион сел на край кровати, собрал в кулак бороду (рыжую), оглядываясь на дверь (тихонько), косясь на Цинцинната, на паука (э-э-э, тебе б только), снова на дверь, хриплым шёпотом: «Помилование... в газете, говорят, было... мол, то, да сё...»

Паук скользнул по солнечному лучу, спустился вниз и, держась ещё лапой, ногой, клешней, за липкий, туманом, свет, повис прямо перед Родионом, который, опустив и подперев прямо в рыжую бороду рукой голову, погрузился в молчание (задумался).

Помолчали. Подумали.

«Сообщаю... – тем же шёпотом сообщил Родион, – директор сказали... «пока не положено».

Снова молчат.

Паук – юродивый, нищий и попрошайка исподлобья сучит педипальпиками (да ты, небось, и не знаешь что такое педипальпики? Это вторая пара околоротовых придатков пау-

кообразных, состоящая обыкновенно из основной части (*pars basalis*) и щупальцевидного придатка (*pars palpalis*). Функция этой конечности различна: у самцов-пауков она играет даже роль совокупительного аппарата; у скорпионов и телифонов она с клешнями; у сольпуг, она, подобно ножкам, служит для хождения; а у других играет ту же роль, что и щупальца насекомых).

Попрошайка сучит педипальпиками и частит лапками. Требуется положенное. Пока Родион не поднимает на него глаза:

– Тебе-то... да...

На свете существует тридцать тысяч видов пауков, и стань я сейчас нашего сравнивать с теми оставшимися двадцатью девятью тысячами девятьсот девяносто девятью видами и плюс ещё девяносто девять процентов его собственного вида (если считать, что он, наш паучок, составляет один процент от своего вида... что вероятно)... Стань я производить этот скрупулёзный подсчёт, подмер, сличать цветовую гамму, размер педипальпиков, которыми наш герой влагает (герой он у нас! конечно, он! паучиха совсем другое дело, было бы), он влагает (приятно повторить такое слово дважды) своими педипальпиками влагает (трижды!) надежды и чаяния в лоно рождения и осуществления... стань я прохаживаться по истории мироздания, ходить за пятьдесят! миллионов лет до динозавров, потому что пауки живут уже триста миллионов лет и жили уже тогда, когда сам Брахма, похожий на паука, объёмяющего весь мир восемью руками, ногами и клешнями, плёл, источал из себя паутину и населял её... сначала пауками (потому что, кто был раньше?) Мойры, Норны, Парки, Мокуша – под стать им – великая богиня – паутину ткёт – и Майя – великая Иллюзия – попадёшь в сеть... и всё!..

Вот-вот! Иллюзия!

«Смерть – это дверь, это всего лишь дыра, «да то, что сделали столяр и плотник», – сказал автор.

На самом деле это сказал второй Цинциннат, а первый сказал: «смерть никак не связана с внежизненной областью...».

А Арахна?... – это уже выдумка – это люди – и нам это ближе. Арахна ближе потому, что мы и сами богоборцы... Кто не знает, что люди разделяются на богоищущих, боголюбцев и богоборцев? Так вот – стань я всё это проделывать сейчас (а я бы, пожалуй – пожалуйста!), перед, как говорят, изумлённым взглядом читателя, перед вопрошающими: «Причём здесь?... К чему?..» Но это дальше! Сказать только надо, что у нашего паука тело было не плюшевое и ножки не пружинковые – всё было настоящее, и в силу своего особого положения: «официальный друг заключённых» – знал он все тайны, правильнее сказать, тайны всех тюремных стен, потолков и решёток; хотя, кто его знает? – сейчас настоящее, а вечером одни пружинки да опилки в бархатном животе или сейчас опилки, а вечером... Смешно!.. Такой вот – валет! – сказал бы тюремщик Родион. Но это дальше. Не всё сразу. Понемножку. Дальше.

И даль свободного романа Я сквозь магический кристалл Ещё неясно, – как сказано, – различал...

– Тебе-то... да... – сказал Родион пауку, – мне же за это достанется... уф-ф... – Цинциннату, указывая глазом на паука: – Такой вот – валет! – сказал-таки. Снова пауку: – В последний момент... – и снова шёпотом и большим пальцем с нажимом (жирно так, размазав, как бабушка муху на стекле): – В последний момент...

Помолчали ещё.

Ещё помолчал, теперь скороговоркой Цинциннату: «Нет! Вы, мой друг сердешный, сердешный, сердешный, – никак не мог затравить шипящую, – сверчок запешный... запешный... запешный... – снова не мог, – уф-ф-ф... Я понимаю... я ведь всё понимаю, даром, что я такой (оттянул бороду на резинке вниз, так что показался и снова исчез выбритый синий подбор-

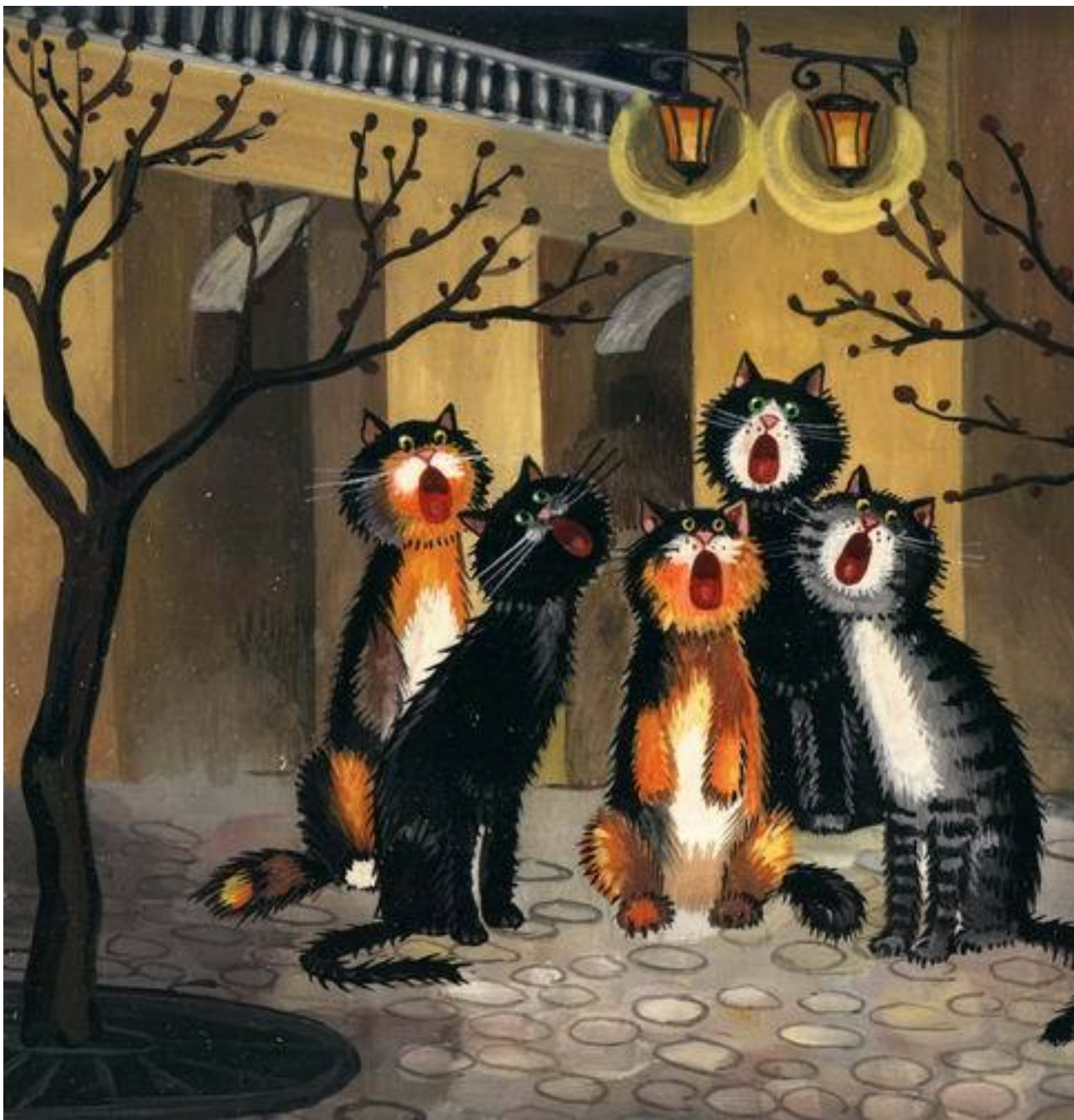
док), я ведь тоже много чего... то, да сё... а они говорят: «помилование»... а я сам готов, говорю... уф-ф-ф... Вот на шест... шест... шест-тёрку – как гляди, не налядишься, а девяткой, наоборот, возьмёт, да и обернётся...

И поползла крашенная («крашенная», подумал тот, второй Цинциннат, который ещё не открыл глаза, хоть уже тоже не спал), крашенная такая жаль-скорбь, боль и хворь закрасила щёки Родиона. По самом себе убивался, жалел и хворел Родион:

- Не получилось в жизни...
- Надвинулись серые, пресерые тучи...
- четыре, пять, шесть...
- покатались желваки по забрызганным жалю и скорбью щекам...
- в шесть лет он задушил кошку.
- Тоже ещё – Николай Васильевич! Смешно!
- Не потому что не любил кошек...
- Он любил кошек...

Родион продолжал:

- Качнулась напасть окаянная, будто запевка с воем, будто лозина тягучая...
- она предала его, – простодушное бесхитростное как у всех детей. – Они – предатели – он не любил предателей, предательство – большой грех – он отрубил ей хвост, но было мало. Он пробирался...
- Чавкающая испариной дня ночь, март, коты воют так, что... с других концов света сбегаются кошки...

(Художник Т. Родионова)

– Задушенную надо было закопать... он плакал... он плакал... всякая живая тварь плакала и плакала, и сбегалась, потому что март задурил всем нам голову и вывернул всех нас наизнанку; какая паутина!..

– «вольно летела дева», и «атлет навзничь лежал в воздухе»... – говорит автор. Легко ему говорить?

Сплошная Майя-Иллюзия! Театр какой-то! Ни капли разуму... кроваво всё, липко... всё вывернул наизнанку.

– Он боялся, – о себе в третьем лице, – замирал; цепенел; вдруг кто-то увидит; чуял (тогда он ещё мог замирать, цепенеть и чуять).

– Всё! Теперь ничего не осталось... ни пару, ни жару, ни пылу, ни жиру... осталось только так... чтоб иногда ...

У него осталось только, чтоб разыгрывать «фальшиво-развязного оперного гуляку»... Вытравили, сделали так, что, как сказано, можно разрезательным или фруктовым ножом...

В шесть лет он задушил и закопал бесхвостую кошку. Нет, не так! В шесть лет он отрубил кошке хвост, задушил её и закопал; ночью, чтоб никто не видел. Смешно! Видели звёзды, и сверкала луна, и он, с тех пор, боялся звёзд, а потом не любил луну, поняв, что ей до нас нет никакого дела. Бесхвостую кошку задушил и закопал!

Цинциннат Ц. в халате, на кровати, сидит, согнувшись, облокотившись о колено. Цинциннат Ц. наблюдает как корчится, рождаясь, фраза... корчится, рожая, фраза, «вся фраза, – как сказано, – корчится, рожая псевдочеловеческое существо». С отвращением, нет! оттопырив губу, как столичный актёр на заезжего гаера (до сих пор в себе заглушал, не давал ходу), оттопырив губу, наблюдает Цинциннат Ц...

С другой стороны: так смотрит жертва на ломаку и кривляку палача. Жертва уже думает о том, о чём, как она думает, палач думать не может, она думает:

*У вас там восемь вечера,
У вас там ещё вчера –
У нас же, пять часов утра
И мы прошли уже вчера.*

Или думает:

*У вас осень,
у нас лето.
У вас дождь,
у нас жара.
Вот такая
у нас с вами
Всепогодная
игра!*

Или думает, что она уже на ступеньку (автор бы сказал, на измерение) ближе к блаженству; на то она уже и жертва; а палач: «Вот, – думает палач, – посмотрим сейчас кто ближе, кто дальше...» – думает сам себе глупый палач.

Цинциннат (с закрытыми глазами) пытается пробраться сквозь эти корчи, увидеть, пусть и псевдочеловеческий образ – тот, который не по-человечески жив, тот, который так, так чтоб... чтоб (молодец! кто бы так не хотел?), чтоб была мечта, женщина, такая женщина, чтоб (молодец! кто бы так не хотел?), чтоб никакая даже близко, даже рядом, как говорят... ну...

*Блаженство с жизнью
можно ли сравнить?..*

... это как кордебалет и кабриолет...

А потом чтоб предательство. Но! Пробуждение!

«...когда коленки-коленочки (похоже на баранки-бараночки – шутка)... когда всякая жилочка-веночка тянется, вянется, стучится, на волю просится... а тут... сно-ва...» – и Родион, не в силах пока, больше, разыгрывать заказанного (не заказного, а заказанного) гуляку, посажёного генерала, повернулся к пауку и, сбившись с трагического темпа, смахнув накатившуюся медленную слезу, медленно накатившую слезу, медленно, будто опуская занавес, смахнув, добавил: – Это как сани и бани, – и хрипло, может, как каторжник на каторге: -

*И мчится тройка удалая
Колокольчик Динь, Динь, Динь...»*

И всё это – с колокольчиком, Динь-Динь-Динем, с тройкой, вместе с тройкой в баньку!
В холодную, под замок. Где иней на полочке.

Эх, вы... кордебалет, кабриолет...

Родька был неторопливым и даже флегматичным мальчиком, но как все Родионы чувствителен, горд и памятливы. Мог постоять за себя. Больше всего в жизни он не любил предателей.

И ещё добавил тюремщик Родион вместе с рыжебородой улыбкой, но... лично пауку; может, это было: «Тебе-то... да...»

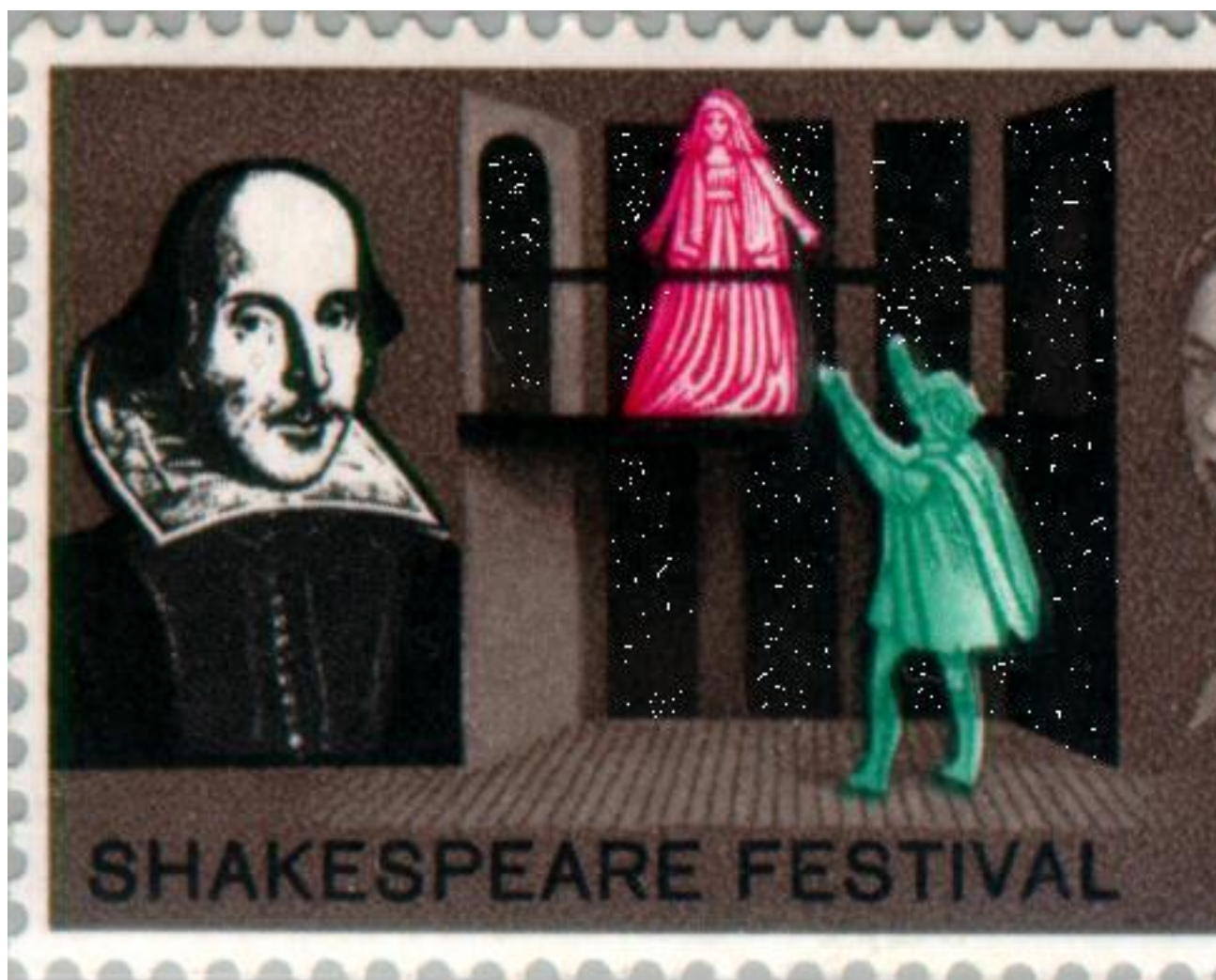
Паук понял (всякий понимает своё... всякий, как говорится, сверчок знай свой шесток, всякий, как говорится, кулик... картина, как говорится, до боли знакомая), паук понял, подтянулся акробатом в цирке на одной ноге к перекладине, крутанулся раз-второй, да так, что встрепенулся свет вокруг, и прыснул летучей искрой под самый купол, туда, где окно в решётке, и стены, и потолок сходятся, чтоб тишком друг другу... друг друга... друг на друге... друг с другом... друг о друге, друг о друга и друг против друга.

Родион встал медленно вслед, вынул из кармана коробку (послушав её ухом) с мухами, невесело, огненно-ры-же-бо-ро-до улыбаясь, развёл свободной рукой: «не-э, не так... тебе-то... да...» – и пошёл кормить.

Цинциннат (тот, который уже открыл глаза) хотел сначала не поверить. Но тот, который ещё глаз не открыл (куклы, кучеры(-а), крашенная(-ые) сволочь(-и)...) хотел тоже сначала («ведь уже лежал, всё было готово, всё было кончено!») не поверить... хотел, сначала хотел, хотел... но упс! По-ми-ло-ва-ни-е! Сады Тамарины, «с кашей во рту из разжёванной сирени» – набросилось всё, затрепетало; протянулись ветки, потянулись руки, руки, ветки, зовущие, глаза, заприглашали; вроде не летели они только что «гипсом» и «сухой мглой». Потом погасло всё, и на чёрном бархате закрытых век, «на чёрном бархате, каким по ночам обложены исподу веки», стало совсем как тогда, тогда, когда: (*вид сверху, панорамно, с балкона, ночное освещение*) «...вдоль дорожек, в дубравах, на прогалинах и лугах, поодиночке»...

– поодиночке и парочками прохаживаются влюблённые, прохаживаются охочие до любви...

– охочие до любви кто?

Уильям Шекспир, сцена «На балконе» (Любовь, исторгнутая в мир двумя прелестными, в красном и зелёном существами³, зажигает звёзды, меж которых складываются вензелями неразлучные Ромео + Юлия).

– Во, тебя прёт!

Ах, почему я не «человек жизни», который «в грубейшем летописном рассказе умеет открыть могучий пульс сиюминутного существования и перенести его на свою сцену»? Почему я «человек книги», который только то и делает, что «из классических повествований извлекает красивые или жестокие слова»⁴?

– Во, тебя прёт!

«Традиции употребления галлюциногенов...» способствуют проявлению неподдельного лиризма и спонтанного юмора, «...специальное зелье, приготовленное из каких-то грибов, трав, а также змей, ящериц, жаб и пауков» (пауков)... наделяет способностью перемещаться во времени и пространстве, а также читать свои потаённые мысли.

Можно сжечь, как это сделал недалёковидный Иван-царевич, шкурку своей зелёной невесты и тут же лишиться иллюзий... «Насильно был лишён иллюзий», напишут на мраморном обелиске.

Нет-нет! – ожидаемых вензелей из «П» и «Ц» (*mauvais ton!*) тоже не вышло, хотя «поодиночке и пачками зажигались рубиновые, сапфировые и топазовые огоньки», но П(ьер) и Ц(инциннат) не вышло; вышло слово, правда тоже не до конца, не совсем до конца («неправильность

мучительно раздражавшая глаз, это и было...»), не совсем получившееся слово. По-ми-ло-ва-ни-... – последняя «е» не могла никак сложиться и, в отчаянии, повисла – как сморщенная дрянь... вензелем, так что Цинциннату невольно пришлось провести языком по губе, будто там образовалась *пенка от простывшего шоколада* или плёнка от остывшего молока.

Слово не получилось... получилось не до конца, не закончилось (это и раздражало, и хотелось закончить, кликнуть разъярённым пальцем по клавише, закричать и ударить по клавише, и завершить падающий в неизвестность аккорд!)

«Подумаешь – Бах!» – сказал бы Родион.

Ах, как хотелось Цинциннату (*пальцем по клавише!*)

– Призраки! Привидения! Пародии! – сказал первый Цинциннат и разрешил тем неустойчивый интервал в тонику, спасая, как всегда, второго от необдуманного поступка, за который снова же пришлось бы отвечать первому.

В распахнувшейся двери появился адвокат с толстой папкой в одной руке, во второй с ручным зеркальцем, в котором мимоходом (последний штрих) рассматривал на своём лице... своё лицо. За ним: Эммочка, стражник(и) в масках (хотя им и хотелось показать своё лицо, хотелось, чтоб женщины знали их в лицо, но было ещё не время), старушка-мать директора, старушка, мать директора тюрьмы, мать Цинцинната, Цецилия Ц. с профессиональным сакво-яжиком, в котором неистово «шеберстило» («должно быть, в него свалилась мышь»), супруга директора не пришла (была занята). Оттуда, где окно, потолок и угол, слева, оттуда, где Родион кормил паука – Родион навстречу стражникам, мамам и Эммочке(-кам)... нет! это был не голос Родиона! а голос Родрига, Родриг(а) Ивановича – директора тюрьмы. Цинциннат повернулся, и действительно (фантомы, снова же иллюзии и тени), Родриг Иванович чистил дорожной одежной щёткой лацканы своего сюртука (прилипли рыжие волоски)... чистил лацканы от прилипших к ним рыжих волосков: «Обманщики! Подсунули!» – жаловался Родриг, получившийся из Родиона, Иванович, жаловался на некачественную бороду, суя её во внутренний карман сюртука, жаловался...

«Обманщики!» и «Подсунули!» остановило хлынувшую было, в открытую дверь первомайскую демонстрацию, с флагами, портретами и транспарантами... Всё посунулось, будто и впрямь всё уличили в обмане, посунулось вспять, и дверь посунулась, и закрыла всё; которое... как раз то, которое могло бы... которое мог бы, которое, может быть, могло бы стать понятным, стало бы понятно Цинциннату, могло бы, наверняка, прояснить Цинциннату что-нибудь... жестом, позой, случайно обронённым словом, неправильно поставленным ударением... а то и прямым текстом: казнить, мол, нельзя, мол, помиловать!..

– «Узнав из достоверного источника, что нонче» или в некотором недалечье решится ваша судьба... – говорил директор тюрьмы (паук на плече – щелчком сбит). – Я на-а-деюсь... Родион ничего ещё?... потому что ещё ничего... Ах, всегда какая-то оплошность! Жизнь какая-то... как надоедливая муха. Роман Виссарионыч, ну, где вы там? прошу!

Роман Виссарионович, всё ещё с перевязанной шарфом шеей (уже давно простудился), зашёл (за ним, в проёме отпахнувшейся, как крокодилова обложка фотографического альбома⁵ двери – моментальная фотография: транспаранты, флаги, герб города (доменная печь с крылом), тесть с громкоговорителем («клокочущий на вершине красноречивого гнева»), два шурина-мурина в позах – разбивают палатку – позади), скобка закрылась, и зашёл с перевязанной шарфом шеей.

– Дверь – это дыра, «да то, что сделали столяр и плотник» – сказал автор.

На самом деле это сказал тот второй Цинциннат, а первый сказал: Смерть – это дверь, «смерть никак не связана с внежизненной областью...»

«Выйти как-то нужно...» – резюмировал третий... а принцесса сказала: «Да-да, это гораздо страшнее, чем я думала. Смерть-то, оказывается, груба. Да еще и грязна. Она приходит с целым мешком отвратительных инструментов, похожих на докторские. Там у нее

лежат необточенные серые каменные молотки для ударов, ржавые крючки для разрыва сердца и еще более безобразные приспособления, о которых не хочется говорить».

Ведь что такое компилятор? и контаминатор? И пересказчик? И глоссатор⁶?

«Не думаешь ли ты, что глосса не знала текста так же, как и ты, или, что она не так же хорошо понимала его, как и ты?»⁷

У-у-у, мракобесы!

У них, кстати – всякий знает – были великие достижения (Марсельеза и Библия, например). Красивейшую человеческую мечту, пронзительнейшую человеческую утопию о душе, порхающей бабочкой над здешним миром, они превратили в мракобесие, в Райскую богдельню, переполненную лишёнными полового признака телами ли, душами; да ещё! за то, чтоб попасть туда, надо отбить себе весь лоб в молитвах и просьбах простить неизвестно что и за что. Много ли надо, чтоб изуродовать красоту?.. этих – некоторые их достижения – принято в определённых кругах принимать вне сомнения. Ведь что такое компилятор, контаминатор и пересказчик? кто они такие, все эти присоски к мёртвому, а то и живому ещё телу? но, которые, к тому же (в защиту), не являются наглыми плагиаторами, всегда «безморщенно»... хочется повторить ещё раз это слово: безморщенно переписывающими оригиналы?

– Но, глосса на глоссу, на глоссу, на глоссу... сколько глосс на глоссах лежат?.. Такие морщины!..

«Выйти как-то нужно...» – резюмировал третий... а принцесса сказала: «Да-да, это гораздо страшнее, чем я думала...»

Выходим.

Перед выходом хочется сказать, что не надо ругать скромного, более чем скромного сочинителя, если он позаимствовал пару слов и пару мыслей у других. Тем более что не Библию же он сочиняет, в том смысле, что не начинает же он с начала, что не с «В начале» же он начинает, хотя согласен, что в начале было слово, а потом уже...

Выходим.

«Ах, Марфинька, если бы ты, как принцесса, если бы ты так, Марфинька, ты ощутила, что такое эта дыра, это изделие столяра и плотника, Марфинька, если бы ты! – кричали в унисон, может в терцию, да хоть и квартой, как хотите, оба Цинцинната, – если бы поняла... «ржавые крючки для разрыва сердца»!

Кто-то из двоих, дальше, тихо спрашивал: «...или я уже там?.. правильнее – здесь? («всё же было кончено!»), а те за дверью, которые за дверью – те – что летели «гипсом», «афишами» и «картонными кирпичами», там?.. Значит я уже не здесь!»

Оба Цинцинната встали с кровати и, пользуясь паузой, пока Роман Виссарионович раскладывал на столе протоколы, проекты и диаграммы, дробью, с остановочками напоследок, в дребезжащую от пустоты «утку»⁸.

– Ах, этот пассаж: «Какие глупости. Конечно, ничего потом нет... Ничего нет. Это так же ясно, как то, что идёт дождь... – помните? – ...между тем, за окном играло на черепицах крыш весеннее солнце, небо было задумчиво и безоблачно, и верхняя квартирантка⁹ поливала цветы по краю своего балкона, и вода с журчанием стекала вниз».

Так думал, *inzwischen*, кто-то второй, может третий, трудно теперь сказать,

– Позвольте Вам напомнить, – напомнил директор тюрьмы Родриг Иванович, – страница двести семьдесят девять, в издательстве...

– Грамотный!..

Из небытия, или из межск-ла-доч-ного бытия, или из морщин, сморщенных всеми на свете глоссаторами и контаминаторами, из самого потаённого журчания стекающей вниз по краю балкона воды складывались стишки:

*там, на том светке,
ничего нетка,
ну, разве что... может быть...
может быть, может быть, может быть!*

Похоже на... *Августин, Августин, Августин...*

– Нет, Цинцин... Цин-цин-цин-натик мой, мой рыжий... там ничего...

Тот парик растрепался, тот халат изорвался, туфли стоптались, и помпоны, оторванные, валяются где-то под кроватью; глаза ослепли, нюх отбило, та душка выпала (какая без душки скрипка?)

Смешной какой у нас автор... да? бутафоры и костюмеры сделали новое (на то они и бутафоры), только душку не вставили, потеряли? Ну, что же из этого?.. Выпала и забилась куда-то в щель между плитами каменного, холодком хватающего за пятки пола. Может это и лучше, чтоб не так надрывно. Кому он нужен – этот надрыв? Халат теперь зелёный, как у Ромео под балконом, а парик теперь, как у Родиона борода – рыжий.

На свете существует два-три (от всего количества человечества) процента рыжих. Компетентный исследователь сообщает, что рыжие – это самые непостоянные, самые неопределённые, самые непредсказуемые, самые кляузные, самые неустойчивые и, к тому же, самые униженные, самые больше других унижаемые представители человеческого рода, словом – рыжие такие парни, – говорит компетентный исследователь.

Рыжий цвет волос, говорят, у них (у рыжих) от неадертальцев... «а неадертальцы, – шипит третий, – были каннибалами и питались сырым мясом».

Все настоящие колдуны и ведьмы – рыжие. Их преследует инквизиция.

«Рыжий да красный – человек опасный», – говорит народ.

«...понеже Бог шельму метит!», – указывает Государь и не разрешает рыжим свидетельствовать в суде, и запрещает рыжим и косым (обязательно тать, если на левый глаз) занимать государственные должности, не говоря уже о левшах. Ещё про евреев: Идёт Рыжий Иудей, прячясь, детка, он злодей!

И сколько ещё всего можно было бы нарасказать про рыжих, лысых, косых и леворуких! но, стань я всё это проделывать сейчас (а я бы, пожалуй – пожалуйста!), перед, как говорят, изумлённым взглядом читателя, перед вопрошающими: «Причём здесь?.. К чему?..» Но, это дальше! Сказать только надо, что все эти суеверия и приметы, подделывающиеся под научное и историческое знание или подтачивающие научное и историческое знание и предвидение, ничего не стоят и, что называется – *die Kleinigkeit* по сравнению с настоящей, мясистой, рыжею жизнью.

Из ЖЖ, a_xuili

У нашего! паука тело не плюшевое! и ножки не пружинковые! – всё настоящее. И ещё, чтоб быть точнее: все эти нападки и выпады против рыжих не имеют никакого отношения к Цинциннату. Такой парик попался! И к Родиону тоже. Такую бороду подсунули... И чтоб уж совсем точным быть: рыжий может быть и в *там* смысле, что не такой как все, мол: Я что, рыжий?

Речь – как все уже поняли – пойдёт сейчас о настоящих «драгоценностях Цинцинната», к которым рыжий парик относится так же, как, я бы сказал, сарказм к оргазму, или, как тот же, уже упомянутый кабриолет к кордебалету, или, как, если хотите (одна из разноцветных, как называет их мой любимый автор, блошек): «мечта к мачте». А вот ещё, у любимого автора моего любимого автора: «С точки зрения Бон-Бона – сотерн относился к медуку так же, как «Катулл – к Гомеру». Речь пойдёт *не* «о его плотской неполноте», пребывающей в «трепете другой стихии», в «другой глубине», в «световой щели», за «кулисой воздуха»; *не о том, что* «главная (я бы сказал – заглавная) его часть находилась (я бы сказал, находится постоянно) совсем в другом месте»...

– В каком, таком ещё месте? В каком таком «трепете другой стихии»? в какой «другой глубине» и «световой щели»? и за какой, такой «кулисой воздуха»? Что это за поэтические изощрения? и кто это? этот тот, второй?

Конечно же, это он, тот, который обитает, обретается в складках, в складке, в складочке («сырой сладкой и проклятой»), который может воспарить! в то время как первый, своим

телом, невыразимо истязаемым, и шутовским париком своим (всё равно рыжим) будет прикрывать его, отдуваться за него – фантазёра, философа и борца за справедливость, защищать его, того второго, вкушающего и покушающегося на стороне на всякие невыразимые блаженства.

1. Преступник – мужчина в возрасте около 35 лет.

2. Преступник является социально неорганизованным. Притворяясь легальным, работает в мастерской по изготовлению Пушкиных в бекешах, Гоголей, похожих на крыс в цветистых жилетах, толстоносеньких Толстых в зипунах и Добролюбовых в очках без стёкол (каждому понятно, что Пушкины, Толстые, Гоголи и Добролюбовы в очках и без стёкол названы, я бы сказал, ради красного словца, чтоб лицеприятнее сказать – как обобщённый пример. Потому что, с таким же успехом в мастерской изготавливали ещё слепых Гомеров и Вольтеров в ночных колпаках).

Александр Пушкин

ВОЛЬТЕР В НОЧНОМ КОЛПАКЕ

Переведённый же, учителем разряда «ЭФ» («чтобы занимать хроменьких, горбатеньких и косеньких»), был тут же заподозрен в основной нелегальности.

Может потому, что сразу бросилась в глаза разница? Сам Цинциннат был без всяких недостатков и уродств (чьей-то другой рукой приписано остроумно: «внешних») – отнюдь, был сработан «так тщательно», хотя, как заметил автор, был мал для взрослого мужчины, и башмаки его жали Марфиньке.

Заподозрен в нелегальности. Это как без билета в трамвае. Все с билетом, а ты без билета. Чувствуешь себя отвратительно нелегальным. Бедненький Цинциннат. Зато, когда с билетом – хочется, чтоб зашёл контролёр и обязательно проверил у тебя билет. А когда он к тебе не подходит, хочется самому подойти к нему и предъявить.

3. Имеет заурядную внешность, но не лишённую отклонений от нормы. (*«Будто он отблеск солнечного зайчика, убегающего от зеркала – шутка»*, - в шутку было снова приписано другим писателем).

– Смешно!

4. Интеллект средний, либо чуть выше среднего.

Исследование тестов, поднятых из архива детского дома:

Тест на интеллект:

а) Белоснежка и семь гномов.

б) Белоснежка и семь малышей.

в) Белоснежка и семь невест для семи братьев.

(*Воспитанников выстраивать в живые картинки*).

Правильный ответ: а) Белоснежка и семь гномов.

Ответ исследуемого – «б», что и расценено как «средний, чуть выше среднего», хотя, с другой стороны, всякому понятно, что гномы не малыши и не невесты.

5. Воспитывался в неполной семье.

Профилёр ошибся: Воспитывался вне семьи: у оставшейся (после исчезнувших в темноте ночи: странника, беглого матроса, лесного разбойника и загулявшего ремесленника), у оставшейся матери-одиночки было своих забот, как сказал защитник, полон рот. У оставшейся матери-одиночки: Она была белокура и белолика. Большеглаза и краснотуба. Голенаста... А почему, собственно, она должна была, ах! как же вы не понимаете? хоронить себя, в том смысле, что закапывать в землю (как закопал Родин бесхвостую кошку) свою привлекательность? Когда вокруг праздник, хочется и самой... разве у вас не так? «...было темно, и была я девчонкой...» коты были так, что со всех концов света сбегались кошки, и был март. Ах, у неё своих забот был полон рот! Но разве в этом дело? Дело совсем не в этом! Дело совсем в другом!

6. Преступник почти не пытается поддерживать разговор (это понятно, так как не хочет быть уличён в нелегальности), хотя, по всему видно, что хотел бы поделиться мыслями.

7. Пережил сильное унижение со стороны женщин или женщины. Унижение это, возможно, было связано с физическим недостатком (напр. маленький размер пениса, половая слабость, бесплодие на этой почве¹⁰).

Марфинька! Ах, Марфинька!

«Марфиньке, – как говорит филёр, – всякие фрукты полезны».

Художник Tsuguharu Foujita

Там! Там... там-там! «...там обитали китообразные существа с нежной кожей, с головой и торсом женщины, чарами своих чудовищных грудей они губили мореплавателей», – сказал автор, который до сих пор ничего в нашем парафразе не говорил.

Сказал, и сказал!

Когда ты спала, я набирался дурацких сил. Смотрел на тебя и заставлял себя думать, воображать, что я, в твоих снах, самый главный. Мягкая, твои коротенькие реснички подёргивались в такт твоим сновидениям и рассказывали всё – как на самом деле, ничего потаённого, о том же самом, только чуть опустив глаза, «исподлобья», «низким голубиным голоском: Ах! «А Марфинька нынче опять это делала»...

Поскольку постольку... постольку поскольку... *insofern als* тема ревности автором мастерски раскрыта, ах, как автором мастерски тема раскрыта:

«Я безысходно, губительно, непоправимо...»...

...«запирался в уборной... топал, шумел водой, кашлял...»

...да и Цинциннату хотелось или, правильнее, не хотелось лезть в потаённое и не совсем легальное (если, например, объяснять немцу что такое нелегальность с помощью примера «зайца» в трамвае, тебя не поймут), не хотелось лезть в спрятанное за коротенькими, белесыми ресничками (тушь она на ночь смывала), а хотелось того что хорошее, доброе, безобидное – простейшие историйки разгадывать по белесым коротким ресничкам, с которых на ночь смывают тушь, безобидные сновидения, простейшую в себе историйку о всегда преследующей тебя тени, например, которая, как всегда тебе казалось, запаздывает за тобой на какой-то миг, зацепившись, как сказал автор, за шершавую стену.

Смешно.

Смешно было играть с тенью в прятки. Зашёл за угол, и, поди, найди тебя. У тени запрет! Сюда нельзя. В светлое ни шагу, свет съест её, съест свет её, её свет съест.

И твоя бархатка на шее!

«Каждый смутно воспринятый шум вызывает соответственное сновидение, раскаты грома переносят нас на поле сражения, крик петуха превращается в отчаянный вопль человека, скрип двери вызывает сновидение о разбойничьем нападении. Когда ночью с нас спадает одеяло, нам снится, что мы ходим голые или же что мы упали в воду. Когда мы лежим в постели в неудобном положении или когда ноги свешиваются через край, нам снится, что мы стоим на краю страшной пропасти, или же что мы падаем с огромной высоты. Когда голова попадает под подушку, над нами висит огромная скала, готовая похоронить нас под своею тяжестью, локальные болевые ощущения вызывают представление о претерпеваемых побоях, неприятельском нападении или тяжёлом ранении и увечье... Накопление сени вызывает сладостные сновидения».¹¹

Стоит чуть пошевелить воздух ладошкой, ладошкой воздух пошевелить над сияющим, как полная луна под луной личиком стоит... и сновидения, как рифмы у поэта Пушкина в бекеше, польются ручейками, потоками... (*Читатель ждёт уж рифмы розы; На, вот возьми её скорей!*) и блаженство... шесть, семь, восемь – ничком в колосистом безудержи трав и цветов... ветерок (пошевеленный воздух) играет высоко в небе с остатками облачков... Солнечная муть разбивается о тебя квантильонами сверканий. И не оторвать глаз: «прелестные оживлённые ноги», «обнажённая под платицем», с «выражением русалочьей мечтательности», «кошачий очерк скул», «тонкость и шелковистость членов», «неуловимая, переменчивая, душеубийственная, вкрадчивая прелесть» и «таинственность черт»... Цинциннат, казалось, сам уже спал под жужжанье всех этих метафор и вот явился сам себе задумчивым юным шмелем, зависшим над ромашкой.

Елена Хлебникова

Ромашка – смешно.

Уж кто-кто, а ромашки впитывают науку прикосновений ещё в семяпочке, сквозь нежные серебряные покровы, когда разомлевшие от любви мотыльки и бабочки устраивают свои охи и ахи...

На Земле существует триста пятьдесят видов ромашек. Ромашка ободранная или Немецкая ромашка, Ромашка пахучая и Ромашка безъязыковая, что одно и то же, Камилла, Бродя, самая известная Нивяник, то же самое Поповник и Пупавка, Белюшка, лесная марьяша,

белоголовник, рамонок, тягун, белица-трава, солнечник, иванов цвет, девичник, невесточка, стоцвет, крылька, ворожка, правда (правду говорит). Ромашками не только заваривают чай: они снижают газообразование, вздутие живота, помогают при ревматизме, ушибах, отёках, болях в суставах, фурункулах, они обладают дезинфицирующим и потогонным действием, нормализуют нарушенную функцию желудочно-кишечного тракта, возбуждающе действуют на центральную нервную систему и расширяют сосуды головного мозга; мыло, кремы, лосьоны, шампуни, ополаскиватели... да я бы, если бы не недоумённый читатель... я бы, пожалуй, пожалуйста... надо только сказать, что эфирные масла ромашек, испаряясь в эфир, расширяют сосуды головного и всякого другого мозга до таких пределов, что, забыв всех богов, ошарашенные такими эфирами, возникают образы: ночная тишь, лесная сень, трепетное лоно, вздохнувшая невинность, оплодотворённая печаль, преступная страсть и музыка стенаний.

Или вот ещё: могильная прохлада... земная суета, жалостливая лира.

«Ещё задумчивая кра-со-та», – задумчиво добавил Родион, пробившись сквозь жалостливую лиру и земную суету и заплакал, как тогда, когда закапывал кошку.

– Ах, что вы там бормочете?! – замахал руками директор, отрываясь от музыки стенаний.

– Ах, ну что вы там бормочете?! – махал руками директор, махал гораздо медленнее, чем мог бы махать в правдоподобной жизни, махал, как в псевдоправдоподобной жизни, но так махал, чтоб само псевдоправдоподобие казалось таким правдоподобным, будто это само правдоподобие!!! Махал, будто отмахиваясь от непрошенных мыслей и образов:

– Это всегда праздник! Да! Ряз, ряз, ряз! – будто разгоняя мух ладошкой по воздуху, от непрошенных мыслей отмахиваясь, махал, – Праздник красоты!

– Пусть и преступной красоты? – наступали мысли и образы.

– Да, праздник страсти!

А те: – Пусть и преступной страсти?

А тот: – Да! Я бы сказал – преступной жизни! а что, преступная жизнь уже не жизнь, *sub specie aeterni*¹²?.. Как у вас с латынью, дорогой Ромаша? В жизни цивилизованных народов преступления, как и проститутки, были нормальным явлением...¹³

– Ну-у... это, положим, слишком! – проступил адвокат Ромаша, явился простуженно из тёплой могильной темени или из могильной тёмной теплыни.

– А это, как кому больше нравится, адвокат Ромаша. Поэтому, не слишком, не слишком, дорогой! – закривлялся директор, будто он был председатель циркового суда, и ещё правильнее – обвинитель циркового суда, а не просто цирковой директор.

Марфинька, Марфинька!

«Я не знаю, какие тут правила, но если тебе нужно, Цинциннатик ... Я же, ты знаешь, добренькая: это такая маленькая вещь, а мужчине такое облегчение».

– Смертная казнь! – потребовал обвинитель и грохнул цирковым молотком (было бы лучше – топором) по цирковой наковальне на цирковой кафедре. – Республика в трауре – пагубное влияние на просвещённых граждан республики!

Окончательно расстроилась теплынь и темень, и земная цирковая мелочная суета, и жалостливая, тоже цирковая лира.

Зато потолки и стенки расписались соломоновыми... какими там соломоновыми? – камера, в которой только стены, потолок и решётка, и юный паук, превратилась... ах! Зевсы, Марсы, Артемиды, Афины, Гермесы и Гераклы – в божественные чертоги... роскошь олимпийских дерев, дриады, нимфы, дафны и сатиры – все в подвигах и в любовном одиночестве, и в ласковом томлении, как сказал поэт.

– Ах, Бабруйск! Это животная! – восторгался очередной своей пассией главный олимпиец.

– Ахтунг! – призывала богов в свидетели лилейнорукая и волоокая (что значит, с глазами, как у коровы, как сказал В.И. Даль: «Замашка воловья глядеть исподловья...», – простите, исподловья), лилейнорукая и волоокая (а ведь в оное время была простой деревьяшкой), лилейнорукая, волоокая и прекраснораменная олимпийщица.

– Чмок, пративный! – пальчиком, с хрым кузнецом заигрывая, совоокая харита (она влюблена в него безумно).

– Своих тут, хоть пацтол сажай! – перестраиваясь в пару к адвокату, вся ещё в морском семени оскоплённого отца богиня гетер указывала глазом на влюблённую совоокую.

Божественная музыка звучит, всплескивая комментариями и постами веселящихся олимпийцев:

– Ужоснах!

– Генитально!

– Трёмбіта! (что значит, Баян).

Овидий:

Здесь для охоты твоей больше найдётся добыч.

Здесь по себе ты отыщешь любовь и отыщешь забаву –

Чтобы развлечься на раз или увлечься всерьёз.

– И пусть, что Овидий! нам в порядке преимственности всё подходит, Роман Виссарионович. Вы, Роман Виссарионович, читали Овидия? Пусть им!.. ямбами, хорейми, дактилиями да амфибрахиями.

А прелестница, повергшая Республику в траур, пагубным влиянием на просвещённых граждан уже воображала себя вознесённой тонкокрылосандалевым Гермесом *на главу многохолмного Олимпа* к Амурам и Фелирам, Гераклам, Деянирам и Атлантам (ведь всё должно было скоро кончиться, прокурор требовал смертной казни), воображала себя ставшей одной из *Венериной рати*, а может даже, одной из самых красивых, может даже красивей, чем сама... Вот! за это и поплатилась, за это призрачное «может» и за упрямую частицу. Всего-то.

У Паука мерцали восемь молодцеватых глаз, а сонмы гипсово-белых богинь и богов хороводились в хороводах, а прекраснорукая Афродита, богиня любви и гетер (что, собственно одно и то же), меж тем, сговаривалась с адвокатом.

Сговаривалась, сговаривалась, а потом безжалостно: «Фтопку!» – безжалостная, рождённая из крови оскоплённого своего отца.

И хороводы исчезают, и будто кухонный кран всосал их!

Вы хотите знать, что же было потом, господа, что же было, когда защитник сорвал с неё одежды? Было безукоризненное тело... всё тело безукоризненное!

Судьи сошли с ума, да что там говорить, и решили, что в таком совершенном теле не может быть несовершенной души. Так и живёт, ах, Фрина, до сих пор на Гражданском проспекте, на углу Гражданского и Пискаревского, почти напротив АЗС¹⁴, во всемирноизвестном городе.

Нет уж, Роман Виссарионович, уважаемый защитник, подождите! *Nemo prudens punit, quia rescatum est, sed ne ressetur.* Разумный человек наказывает не потому, что был совершён проступок, но для того, чтобы он не совершался впредь! А здесь, всё наоборот, стоило один разочек¹⁵ и вот, уже преступление, уже вечное наказание преступной страстью! Вечные изгнанницы, мне вас жалко... Но, с другой стороны: чего стоит без них, уважаемые... чего стоит весь, без них, весь этот остальной мир?... да это же, это же смешно! это как экзерсис и экзорцизм, как

бухгалтер и бюстгальтер, как хула-хуп и эскулап! дистанция, я бы сказал (как уже сказали!)... Вы знаете, чем отличается конспирация от конституции? Не знаете! Пощекочите, пощекочите его, Роман Виссарионович, пушистым пёрышком по губам, по вздрагивающим во сне ресничкам на белом, как сказано, при Луне, как Луна, личике... Двумя согласными и одной гласной! И всё! А вы уже строите у себя там, в голове, всякие тезы, простите, и антitezы!

Ах, эта ромашка, из ромашек ромашка! Конечно же, она, одна, единственная продевает ниточку в игольное ушко, и только одна, она, целится, полуоткрыв влажные губки; все остальные не продевают, не целятся и губы у них не влажные! Нет, Роман Виссарионович, не только изошрённые фантазёры придумывают неповторимых своих Лаур, Беатриче, Изольд, Дульсиной и Лолит, если хотите, и, если хотите, Марфинек; простому гражданину тоже свойственно... свойственно мечтать; и как! он в своих снах, воодушевлённый, воспламенённый и возбуждённый чрезмерным, как уже сказано, накоплением семени и положением тела, известной своей частью упёршегося в непреодолимую преграду матраца... Пощекочите и откройте свои глаза, посмотрите на мир честно, господин адвокат, Вы видите? Да он же счастливчик! Вполне! С ней, на ней, за ней, за ним, на нём... о-о-о! и так! и так, и, даже так! да, как хотите! да, матрац мешает, да, господин защитник человеческих прав, прав человека, прав человека на свободу, как уже было сказано американским писателем Штата Нью-Йорк, да! с тех пор, как небезызвестные всем светила наук рассказали нам как заглядывать в чужие сны, да что там в сны... скоро, уже скоро мы проникнем, проникнем в сокровенное, и ничего не останется тайным! Вот это будет прозрачность! И ничего плохого я в этом не вижу! Меньше выскочек и, как поют в песне: «...вместе, дружно шагом марш!», а Вы говорите, они говорят – нелегальность, «уличён в основной нелегальности».

Пощекочите, пощекочите его, Роман Виссарионович, пушистым пёрышком.

Цинциннат открыл глаза.

Роман Виссарионович перестарался.

– Перестарались, дорогой, перестарались!

– Ну что ж... – какой-то из Цинциннатов ещё тянулся туда: «добренькая... маленькая... вещь... облегчение... такое», но второй резко оборвал его; было понятно, что их застучали... кому приятно, когда его застучали? – Призраки, привидения, оборотни! «Марфинька, сделай необычайное усилие и пойми...». Конечно, я хотел бы ещё... Марфинька, ты жила, как правильно заметил за тобой автор, в мире, который сама себе пекла и, сама себе, при этом, будто повариха из сказки, напевала... напевала словечки из поваренной книги.

Марфинька была утончённой и обходительной, но, как все Марфиньки, решительной, беспощадной и даже коварной и, как у всех Марфинек, муж у неё был в подчинении, и, как для всех Марфинек, для неё много значили разговоры, особенно если они переходили в молву.

Худ. А.Соколов. СТРЕКОЗА

Бывшее прозрачно побелевшим лицо Цинцинната, с пушком на впалых щеках, сейчас порозовело (гримёры) – велика сила пережитого, она заставляет биться кровь и красит нежным цветом щёки¹⁶...

– Мы не хотели бы этих подробностей... – ковыряя ногтем махру одеяла, попросили Цинциннаты.

– Согласен! Не для нежных ушек! Что ж, зачерх... я хотел сказать: зачерхнём... имеется в виду, зачерк-к-нём, а вы имеете в виду: «маленький размер пениса, половая слабость...» – зачёркнуто уже, видите; напишем просто, напишем просто, пишите просто, Роман Виссарионович: «Пережил сильное унижение со стороны женщин, или женщины». Так, хорошо?.. Теперь все видят. Так тоже всё на своём месте. Да, уважаемый! Да! появилась возможность. Но... ещё ничего... Ещё кошка, как не сказал, к сожалению, про кошку в надлежащее время Родион, не всё сало съела, ещё могла есть и есть, ещё в икрах, как сказал автор, так много

туго накрученных вёрст... хотя правильнее говорить: Кошка знает, чьё сало съела!.. и ещё правильной: собака знает, чьё сало съела... Да разве в этом дело у нас сейчас? Ничто людей не оскорбляет больше, чем зеркало, когда оно за ними подсматривает. Совсем другое дело, самому подглядывать в зеркало. Зачем, зачем, я спрашиваю Вас, Роман Виссарионович, Вы принесли сюда зеркальце? Уж Вы-то знаете, Роман Виссарионович, что зеркала и деторождения (здесь Родриг Иванович значительно посмотрел на Цинцинната) множат преступления. Не прячьте, не прячьте, когда Вас уже, как уже сказано, застукали.

Адвокат вынул из кармана зеркальце...

– Выкладывайте, выкладывайте!

Адвокат поймал в зеркальце солнечный лучик, безнадежно пустил его туда-сюда: на паука, Цинциннату в глаз, ещё по стенам, по потолку, на Директора не решился и положил его плашмя на стол.

– А что касается ромашек, продолжил директор, – так это тоже история... но, как уже много раз сказано: недоумённый читатель и так уже не простит.

Ты, Цинциннатик уже не так не доверчив, не так слаб (выравнивают, как катком по асфальту), ты, Цинциннат, уже способен заметить даже... Родионову, накатившуюся медленную слезу: «Такие же точно тени, – плачет слезой Родион, – такие же ю-ю-юлюлю... у-у-улюлю... а-а-а! иллюзии, вот! и призраки всякие там, такие же пародии, оборотни, шуты, – плачет и надувается слезой Родион. – И палач, и хва... хва... хва... – как всегда не получалось заарканить шипящую, – и хва... хван...томы! – махнул рукой на шипящую Родион и плюнул, и лопнул: – Пух!» – будто выпрыснул всё что было, будто выпрыснул что-то, что ещё оставалось.

Хотя, всё ещё, Цинциннат Ц., ты ещё не замечаешь (ну просто, как катком), что со своей матерью, Цецилией Ц. ты выкроен из одного куска, одной штуки. Разве можно с матерью быть выкроенным из разных штук? «Это ведь как нетки, – всхлипывает мать, – смотришь, с одной стороны – шишковатое недоразумение, а с другой – образ, а если хочешь, так и собственный портрет», – а ты этого ещё недопонимал.

– Простите, Роман Виссарионович, уважаемый Ромаша, а это что? – директор указал на газету, выложенную вместе с зеркальцем, и лежащую теперь среди документов на столе, расправленную на красном заголовке, бросающимся в глаз громадным кеглем и причудливой гарнитурой, на всю страницу.

– Ах! ме-ме-ме... мя-мя-мя... это по растерянности... рассеянности... – замемекал адвокат, – извините, так, так как-то, как-то так получилось, перепутал, для частного употребления, – и провинившийся провинившуюся, сложив вчетверо, сунул в карман.

– Узнав из достоверного источника... – (пришлось начать сначала), начал сначала директор Родриг Иванович, – сбил меня этот Родион!.. – и снова пришлось начать сначала: – Узнав из достоверного источника, узнав, что нонче» или в некотором недалечье рушится – как хотите... как у кого! ваша судьба... Простите, но вы меня не слушаете, вы о чём-то здесь?..

Потом ничего нет! хоть тысячу раз пусть верхняя квартирантка, квартирантша (у неё муж квартирант) поливает цветы. Здесь можно обмануться (не обманываются ли так художники и поэты?), здесь можно принять дождь за журчанье воды в фонтане парка, а журчанье воды в фонтане парка за стекающие с балкона квартиранткины ручейки. Там, ни дождя, ни фонтана! Ни квартиранток...

– Ах, вы снова бормочете! Не понимаю, не понимаю! – взвился директор. – Здесь, там! Квартирант наш – (манкируя, имея в виду, известного беденького м-сье Пьера, палача-квартиранта), – уже вот, вот-вот... восвося... тью-тью... – (*aparte в сторону за дверями, зло*): – Не можешь, не брись!.. Не брись! Не брись... а будь ты неладна!.. он, видите ли, не делает зарубок! – И снова компаньонам, партнёрам по комедии: – И никакого дождя! Погода здесь ни при чём! я хотел только сказать, что мы узнали из достоверного источника... и выполняем... в нашей обязанности... рго, как говорится, bono publiko!

– Полиглот проклят... – донеслось, как показалось Цинциннату, из внутреннего кармана директорского сюртука. И действительно, Родриг Иванович прихлопнул, прикончив, таким образом, словцо, не дав ему закончиться окончанием – по лацкану ладошкой, по тому месту, где внутри находится внутренний карман с положенной в него рыжей бородой. И раздавив в себе снова, большим пальцем, как муху на стекле, справедливую обиду, обратился укоризненно к пауку: Да-а-а! Родион... – а потом к Цинциннату: – Я надеюсь, он вам ещё ничего? – и снова укоризненно и безнадежно, но угрожая, но положив всё-таки правую руку на левую грудь (туда, где сердце – мол, всё-таки: клянусь!): – Ну что ж!.. – как будто он был не директор, а только ещё новый директор, вновь назначенный исполняющим обязанности, только испечённый, новообращённый, будто он был некий неофит, который привстав на колени, отдаёт последнее малюсенькое, оставшееся своё «я» и растворяется в безличном «мы», в общей величине, в общей величине картины, в общей величине картины мира. – Ну что ж!

Помолчим.

Помолчали.

– Видите ли! – вдруг снова раскрывая рот, вдруг раскрываясь, будто перочинный ножичек, оправдываясь, отделяясь от несправедливого обвинения, беря себя в руки, продолжил Родриг... не продолжал, а продолжил: – семья, жена, дочка в школе, содержание, балетные пачки, тапочки, туфельки, мать-старуха с одной стороны и другая с другой, тещь! – как это не понять?... стол, как говорится, на десять персон! Ширма, шкаф со своим, все знают с каким своим, в зеркале, отражением, дед, бабка с остриженной, с белым бобриком головой, три кузины (впустили в этот раз), кошка nachher¹⁷ задушенная...

Ах, вот оно что! Вот почему Родион не выдержал в этом эпизоде. Диомедон (задушил кошку) напомнил ему мартовскую удушливую пневмонию. Вот почему Родион, вместе с другим служителем унёс, крикнув, полулежашую(-лежавшую) Марфиньку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.